

НЕТ, ХУДО БЕЗ ДОБРА!

Вечером Сергей Васильевич Патрахов отдал несколько своих картин на выставку в вечернюю школу № 6, а утром следующего дня их там уже не было. Ночью в здании забралась воры...

Сергей Васильевич не считает себя художником. В молодости рисованием не занимался — воевал, был разведчиком в стрелковой дивизии.

На краях сосен Серебрился иней. Горел прощально Бронзовый закат. В прифронтовом лесу Вручили мне впервые Армейский наш, Солдатский автомат.

Был ранен в 43-м. Отлежался в госпитале — и снова туда, где «дым, и гать, и грохот малый»...

Строчки его стихов, как и живопись, пришли к нему намного позже. Кисть взял в руки уже в преклонном возрасте, на инвалидности после неоднократного лечения.

— Не имея возможности выезжать на природу, делать натурные зарисовки, стал копировать репродукции, восстанавливать по воспоминаниям и фотографиям памятники уральского золотства, пейзажи.

Собственной рукой он повторил «Незнакомку», «Московский дворик», «Утро в сосновом бору», по старой, изорванной фотографии воссоздал образ Слободской церкви и т. д. Может быть, его произведения были далеки от совершенства, а копии лишь повторяли подлинники, но в них чувствовалось тепло его души, его жизнелюбие и желание преодолеть недуг, хотя бы мысленно вырваться из плена четырех стен.

Однако затворником он не был. Встречался со школьниками, бывал в ГПТУ, охотно дарил свои картины друзьям. Первая же выставка его работ получила признание: как участник I фестиваля творчества инвалидов он был удостоен диплома третьей степени в 1987 году. Затем последовали вторая, третья... и много благодарственных записей в книге отзывов.

— Как же вам это удалось? Взяли в руки кисть — и получились?

— А у меня все получается — говорит он спокойно, без тени бахвальства. — Вот посмотрите.

Сергей Васильевич показывает в угол комнаты, где на столике разместились сказочные терема из спичек, покрытые лаком. На стене — панно из чеканки, а над книжным шкафом — панорама боя за высоту, а которой масляные краски удачно гармонируют с самыми обыкновенными камнями, тщательно подобранными по форме и размеру.

Тот же прием и в картине о Даниле-мастере в сказочной каменной пещере. Я слушаю Сергея Васильевича, а взгляд, куда ни поверни голову, привлекают живописные полотна — «Грачи прилетели», «Незнакомка», «Подвиг солдата»... Военная тема осталась с ним на всю жизнь.

Прошли года, и. Постарев, не скрою,

Весьма конкретно Я вдруг осознал, Что номер части В летописях боя Я автоматной Сгрочкой написал.

И не только автоматной. В 1975 году он начал розыск однополчан. Письма приходили из разных городов, потом начались встречи. На одну из них в Первоуральск приехали 14 его боевых друзей из 274 и 140 стрелковых дивизий.

Может быть, ему удавалось многое из задуманного потому, что доводил дело до конца, не останавливался на полпути? В одном из отзывов читаю такие строчки:

«Смотрю на тебя, твою творчество — и удивляюсь, и поражаюсь, и радуюсь. Инвалид I группы, в преклонных годах ты нашел в себе силы, несмотря на недуги, заняться творчеством. Да, ты не Репин, не Левитан, не Верещагин, но какой же ты молодец! Искусство помогает тебе жить. Продолжай. Твой однополчанин В. Л. Политов — член президиума совета ветеранов 70 армии, заслуженный юрист РСФСР, инвалид II группы». И приписка: «Будь здоров, старина, настоящий, мужественный человек!»

Сергей Васильевич показывает мне свой архив — газетные статьи, фотографии, документы. Потом в его руках оказывается повестка в гооодской отдел внутренних дел к следователю.

— Это по поводу кражи. Только ведь я идти не могу, уже никуда не выхожу из квартиры. Позвонил следователю, объяснил, ответил на вопросы. Пока еще не нашлись мои картины...

На одном из отпечатанных на машинке стихотворений замечаю четыре строчки мелким, старческим бисером: «И жизнь покочу собственной рукой...»

— Что это вы, Сергей Васильевич! Такой жизнелюб — и вдруг?

— Приписал под настроение. Трудно мне сейчас. Живу один, никому не нужен. В магазин даже сходить некому. Знаете, бывают иногда мысли... Мы, когда в разведку ходили, на веревочке за чеку привязывали к поясу гранату. Чтобы врагу живым не попасть, рванул — и все...

Он недавно перенес инфаркт. Врачи прописали строгий постельный режим — и никакие волнения, усилия. Уже нет сил писать картины, рука не держит кисть. Тому, кто посягнул на его полотно, вряд ли известно чувство сострадания. Не понять им и истинной цены тех картин. Для Сергея Васильевича они бесценны потому что в них — преодоление его болезней, его раи.

Украдены «Натюрморт», «Слободская церковь», «Отдых после боя» и копия шихшинского пейзажа с мишками в сосновом бору. Записываю это под диктовку Сергея Васильевича, который тешит себя надеждой, что кто-нибудь, может быть, случайно увидит эти картины и сообщит в милицию или в редакцию.

От себя добавлю: у старого, больного человека случилась беда, ему сейчас плохо. Все, кто знает Сергея Васильевича, поспешите ему на помощь.

Т. ТЕРЕШИНА.